

ДРЕВНЕАРМЯНСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК АРМАВИРА

(Опыт классификации и датировки)

Г. А. ТИРАЦЯН

Накопившийся за последние годы во время раскопок Армавира (руководитель с 1962 г. по 1969 г. Б. Н. Аракелян)¹ керамический материал позволяет приступить к работе по его систематизации и общей характеристике, однако подробный разбор армавирской керамики не является темой настоящей статьи. Ему должна быть посвящена отдельная работа. Классификация же обильного материала, выделение характерных керамических форм и установление их предварительной датировки—назревший вопрос, разрешение которого может представить бесспорный интерес для дальнейшего археологического изучения древней Армении.

Сейчас мы имеем полное основание говорить о сравнительно твердо установившемся типе керамики послеурартского и досредневекового времени в Армавире. Тем самым раскопки этого памятника позволяют заполнить пробел в истории развития армянской керамики.

Древнеармянская керамика из раскопок Армавира засвидетельствована следующими формами.

Горшки представлены многочисленными фрагментами разных размеров, в большинстве случаев они безручные, с раздутым туловом, плоским широким дном, низкой широкой шейкой, невысоким, слегка отогнутым наружу венчиком и округлым, реже, утолщенным, краем (табл. I, 1; табл. II, 1). Поверхность горшков серо-черного цвета. Глина содержит в себе примеси толченых камней и песка, тесто плохо отмученное, обжиг неравномерный.

Эта грубая посуда относится к сосудам «кухонного» назначения, общая форма которых не претерпела каких-либо существенных изменений, начиная с периода железа вплоть до средневековья, что затрудняет их датировку.

Кувшины встречаются разного размера и разного вида: с расширяющимся туловом, низкой шейкой и дугообразной, как правило, круглой в сечении ручкой, прикрепленной одним концом к краю венчика, а другим—к плечу.

Сосуды отличаются друг от друга главным образом формой венчика, который бывает круглым, остроносым и в виде трилистника. Поверхность кувшинов покрыта слоем ангоба красноватого или охристого цвета. Глина содержит в себе примеси, обжиг неравномерный.

Кувшины с венчиком в виде трилистника (табл. I, 3) засвидетельствованы на территории Армении в ахеменидское и эллинистическое время, но встречаются они и позже. Вероятно, часть подобных кувшинов восходит к урартским прототипам², но не исключена возможность прямого или опосредственного влияния греческих и эллинистических сосудов типа ойнохой.

Сосуд с венчиком в виде маленького трилистника имеется среди датированных ахеменидским временем предметов в Джаратской коллекции (Исторический музей Армении). Другой сосуд с близким по форме венчиком был найден в Гехадире в могиль-

¹ См. Б. Н. Аракелян, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, «Историко-филологический журнал», 1969, № 4.

² Ж. Д. Хачатрян, Археологические находки в Гехадире, «Вестник общественных наук», 1966, № 1, стр. 88 (на арм. яз.).

нике раннеэллинистического времени³. Ряд кувшинов со сходными венчиками, обнаруженных при случайных обстоятельствах, хранится в Историческом музее Армении. Необходимо отметить, что некоторые из них происходят из Армавира или его окрестностей.

Венчики в виде трилистников завершают одноручные кувшины, найденные на территории позднефригийского городища («город Мидаса») в западной Малой Азии, датируемого концом V в. и началом III в. до н. э.⁴

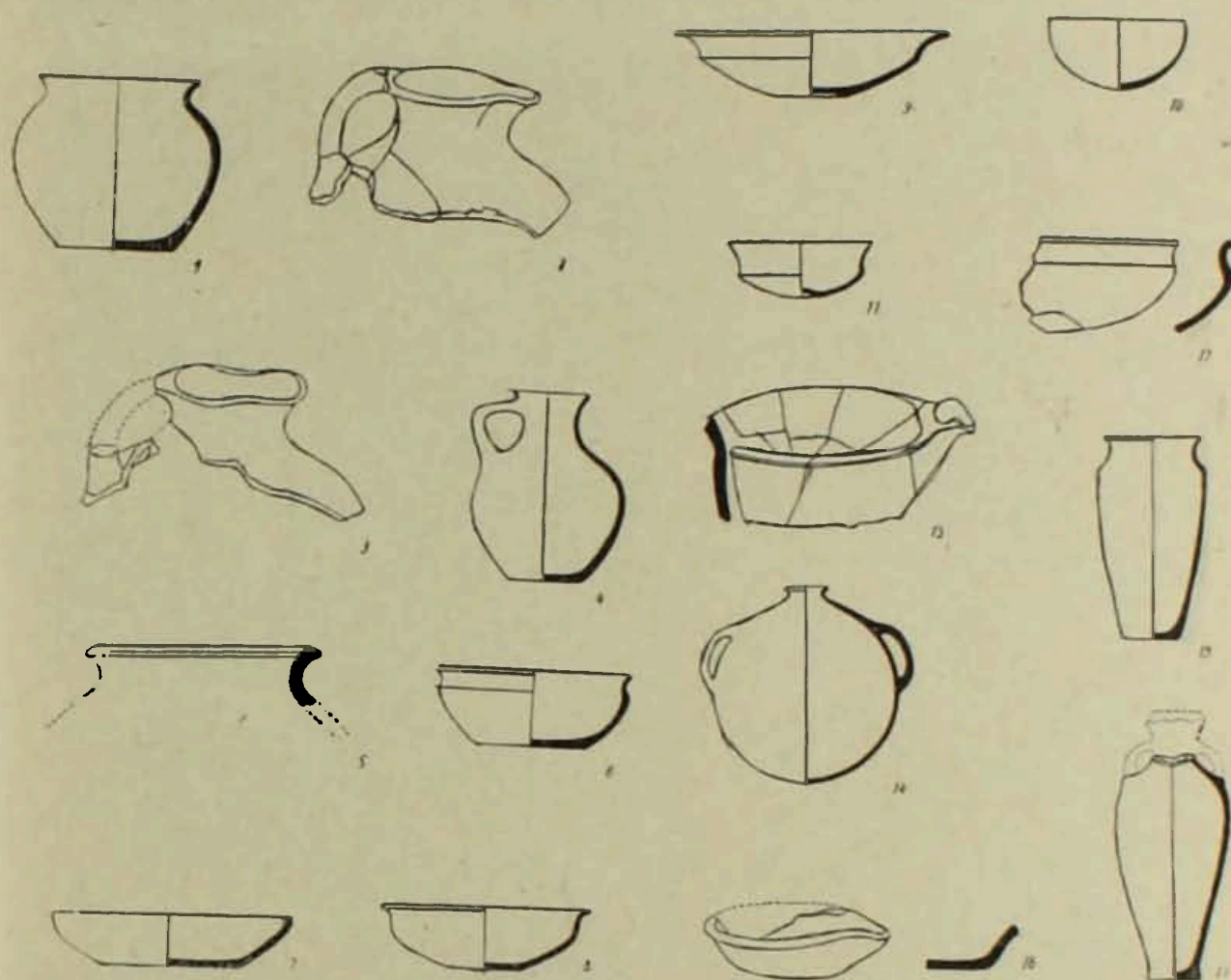

Таблица I.

Один из рассмотренных кувшинов с острым сливом (табл. I, 2; табл. II, 2) напоминает одноручный кувшин из Персеполя⁵.

В Джаратской коллекции попадаются экземпляры с менее выраженными венчиками, что их сближает с кувшинчиком из Армавира (табл. I, 4).

К сосудам рассматриваемого типа следует отнести и большую, круглую в сечении дугообразную ручку. Наружная ее часть по всей длине украшена круглыми маленькими выемками. По некоторым признакам, главным образом по украшениям, она сходна с ручками на сосудах из Джарата.

Карасы. Среди многочисленных фрагментов больших и толстостенных сосудов,

³ См. там же, рис. 4.

⁴ См. С. Н. Emille Haspels, *La cite de Midas, Ceramique et trouvailles diverses* (Phrygie, III). Paris, 1951, Pl. 13, 15, 23, 24, 31. См. также W. Orthman, *Untersuchungen auf dem Asarcic Huyuk bei Ilca, Istanbulur Mittellungen*, Bd. 16, 1966, Abb. 16, 4.

⁵ E. Schmidt. *Persepolis, II*, Chicago, 1957, Pl. 71, 6; 72, 10. См. также «Нимруд эллинистического времени». D. Oates, *Studies in the ancient history of Northern Iraq*. London, 1968, Fig. 17, 9.

имеющих хозяйственное значение, привлекает к себе внимание верхняя часть караса, относящегося к послеурартскому времени. Сохранившийся почти целиком венчик караса выступает наружу, шейка низкая, но очень широкая (табл. I, 5; табл. II, 3). Фрагмент покрыт обмазкой цвета охры, местами на плечике сохранились следы красной краски. Глина сравнительно чистая, обжиг равномерный.

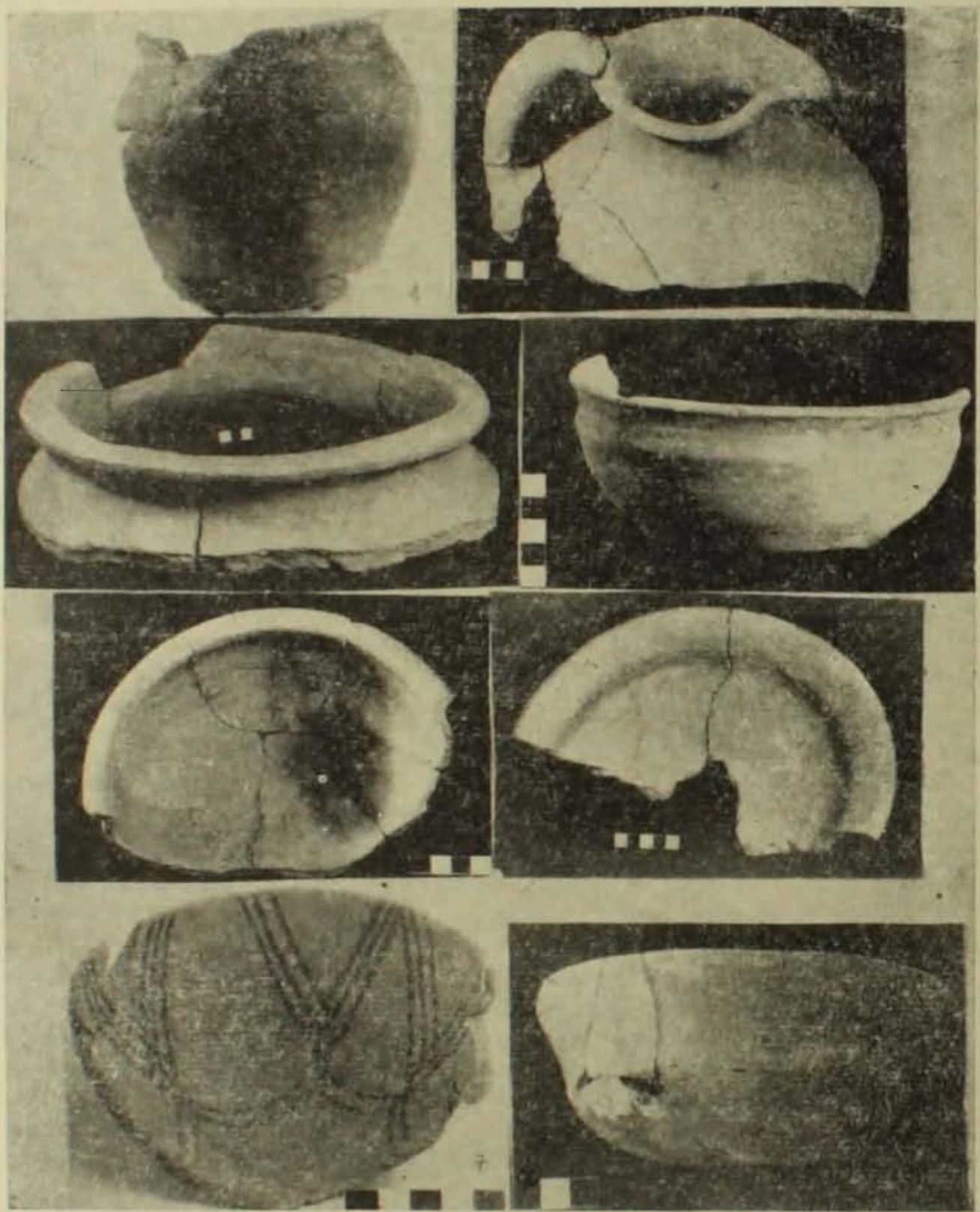

Таблица II.

Миски встречаются глубокие, сравнительно толстостенные, с плоским широким дном, высокими слегка округлыми стенками, переходящими в венчик, слегка отогнутый наружу (табл. I, 6; табл. II, 4). Под венчиком, снаружи, имеется вдавленный пояс. Снаружи и внутри венчик, а также верхняя часть сосуда покрыты слоем красной краски.

Глина содержит в себе разные примеси, тесто грубое, плохо отмученное, обжиг неравномерный.

Таблица III.

Расписное блюдо на кольцевидной ножке и отогнутым наружу венчиком, формой, а также орнаментальными мотивами приближается к сосудам эллинистического времени из Афин⁶.

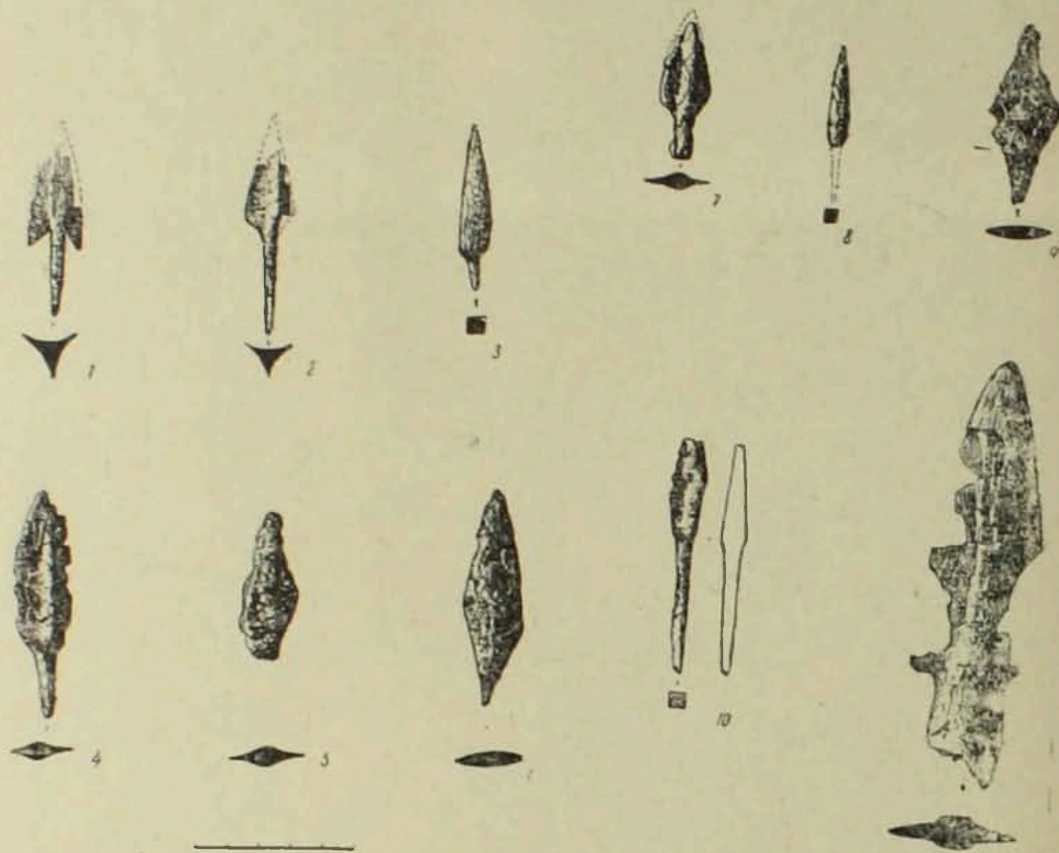

Таблица IV.

Таблица V.

Тарелки или большие чаши с плоским дном и расширяющимися кверху вогнутыми стенками, различаются между собой главным образом профилем венчиков. Последние бывают выступающими наружу или вогнутыми вовнутрь, прямые или с вдавленной снаружи узкой полосой под венчиком (табл. I, 7, 8; табл. II, 5). Сосуды покрыты слоем ангоба охристого цвета. На внутренней же части красной краской нанесены крестовидные орнаменты. Такой же краской покрыты венчики. Одна из тарелок сплошь покрыта красной краской, за исключением донной части снаружи. Дно внутри, а также венчик украшены росписью черного цвета.

Глина этих сосудов содержит мелкие примеси, обжиг неравномерный.

Эту характерную группу сосудов армавирской керамики П. А. Карапетян возводит к урартским прототипам.

Следует отметить, однако, что некоторые формы, особенно с прямым, еле профилированным венчиком, имеют аналоги в малоазийской керамике фригийского времени (как синхронной армавирской, так и более ранней)⁷.

⁶ См. Г. А. Тиранян, О расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), ИФЖ, 1965, № 3, табл. II, 3.

⁷ См. W. Orthman, указ. соч., Abb. 14, 5; см. также K. Bittel, H. G. Güterbock, Bogazkoy, Neue Untersuchungen in der hethitischen Hauptstadt, Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, Jahrgang, 1935, Berlin, 1936. Taf. 19; 11, 12. Taf. 20; 7; H. H. von der Osten, The Alislar Hüyük, Season of 1930—1932, part II, Chicago, 1937, fig. 403, Pl. VIII; его же, part III, fig. 30, Pl. IX. См. также C. H. Emille Haspels, указ. соч., Pl. 27 c, 28, 5, 6.

Тарелки имеют плоское, сравнительно узкое дно, с косыми слегка округлыми стенками и подчеркнутым в виде выступа переходом к широкому, сильно оттянутому наружу венчику (табл. I, 9; табл. II, 6). Поверхность тарелок серовато-охристого цвета. Верхняя и нижняя часть венчика покрыты красной краской тусклого оттенка. Такой же краской нанесен крестообразный узор по дну тарелки.

Близкая по общим очертаниям форма представлена некоторыми обломками сосудов, имеющих, по-видимому, узкое дно, косые стенки и почти перпендикулярный верх, переходящий в горизонтальный плоский венчик, покрытый росписью в виде заштрихованных ромбов или волнообразных прямых линий⁸.

Кубки имеют глубокую полушаровидную форму и несколько вогнутые внутрь вертикальные бортики (табл. I, 10; табл. II, 7). Верхняя, наружная, а также внутренняя поверхность сосуда покрыта красной краской, по которой, внутри, черной краской нанесена роспись. Глина имеет примеси, обжиг неравномерный.

Развитие полушаровидных чаш имеет очень длинную историю, однако время их наибольшего распространения падает, по-видимому, на эллинистическую эпоху, когда эта форма воплощается как в глине⁹, в частности в мегарских чашах, так и в металле (серебро)¹⁰ и в стекле¹¹.

К более раннему, ахеменидскому времени, например, относится золотой полушаровидный кубок из Аму-Дарьинского клада¹².

Разновидностью вышеупомянутых сосудов являются кубки полужайцевидной формы, с менее округлым дном, бытующие в основном в то же самое время, что и полушаровидные кубки¹³.

Чаш-фиалы встречаются общераспространенного типа—с округлым дном, расходящимися стенками и отогнутым наружу венчиком. Переход от дна к стенкам и венчику подчеркнут своеобразным выступом (табл. I, 11; II, 8). Имеются глубокие и плоские экземпляры. Поверхность сероватая или цвета охры, часто покрыта краской красного цвета. Встречаются и чернолощенные фрагменты. Эта форма, несомненно, восходит к древневосточным, урартским, образцам¹⁴. Распространяется она в Армении в ахеменидское время и продолжает существовать в эллинистический период¹⁵.

К многочисленным аналогам чаш-фиал, встречающихся в ряде стран и областей древнего мира¹⁶, следует добавить экземпляры, найденные на территории Фригии¹⁷; в дальнейшем керамическому материалу этой области будет уделено большое внимание.

⁸ См. Г. А. Тирацян, О расписной керамике, табл. I, 3.

⁹ См. H. Goldman, Tarsus, I, The hellenistic and roman periods, Princeton, 1950, Pl. 125, № 113. R. Folsom, Handbook of greek pottery, London, 1967, стр. 186; W. Orthman, указ. соч., Abb. 21, 13; K. Scheffold, Meisterwerke griechischer Kunst, Basel, 1960, № 330.

¹⁰ См. D. E. Strong, Greek and roman gold and silver plate, London, 1966, Fig. 24, стр. 108.

¹¹ См. D. B. Harden, The Canossa group of hellenistic glasses in the British Museum, Journal of glass studies, X, 1963.

¹² См. O. M. Dalton, The treasure of Oxus, London, 3rd ed. 1964, Pl. III, 20.

¹³ Г. А. Тирацян, О расписной керамике, табл. I, 4, стр. 277.

¹⁴ Г. А. Тирацян, Урарту и Армения. К вопросу о преемственности материальной культуры, «Вестник общественных наук», 1968, № 2, стр. 17—20.

¹⁵ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, «Известия» АН Арм. ССР (общ. науки), 1961, № 8, стр. 76—77; Ж. Д. Хачатрян, Одна из характерных форм керамики VII—I вв. до н. э., ИФЖ, 1970, № 2 (на арм. яз.).

¹⁶ Г. А. Тирацян, Урарту и Армения, стр. 18; его же, К вопросу о тюретике и ювелирном деле Армении в ахеменидское время, ИФЖ, 1969, № 1, стр. 98.

¹⁷ C. H. Emilie Haspels, указ. соч., Pl. 27, g. 28, 7; W. Orthman, указ. соч., Abb. 18, 9.

Среди исследуемого материала имеются фрагменты широкогорлых глубоких мисок или горшков, дно которых не сохранилось. Стенки круглые, а вдавленная снаружи верхняя часть образует под самым венчиком, утолщенным и отогнутым слегка наружу, своеобразный пояс (табл. I, 12; III, 9). Стенки сосуда покрыты снаружи слоем ангоба цвета охры. На венчике, а также на верхней внутренней части сосуда нанесена роспись красного цвета. Внутри встречаются крестообразные узоры такого же цвета. Глина имеет примеси, обжиг сравнительно однородный.

Не исключена возможность, что рассмотренные сосуды были снабжены сливообразным носиком и ручкой.

Сосуды со сливообразным носиком представлены как почти цельными экземплярами, так и многочисленными фрагментами. Это сосуды разного размера, с плоским дном, вздутым туловом и утолщенным, отогнутым наружу венчиком, имеющим часто вдавленную полосу под ним, или же с косо поставленными богатами (табл. I, 13; III, 10). Носик, как правило, в виде трилистника, прикреплен под самым венчиком. Встречаются сосуды и с другим типом носика—трубчатые, с косо срезанным концом и т. д.

Поверхность сосудов обычно покрыта слоем ангоба светлого или красноватого оттенка, украшенного пояском, охватывающим верхнюю часть сосуда.

В этих сосудах возможно усмотреть некоторое влияние древней переднеазиатской керамики, в частности иранской (Сналк Б.). Своеобразная форма носиков, однако, связывает эти сосуды с иранскими образцами, носики которых значительно короче и имеют более или менее вертикальную направленность. Два фрагмента из Суз и в Тал-и-Джалабада (XI—X и VII—VI вв. до н. э.) по форме и положению носиков являются как бы типологическим предшественником армавирских сосудов. Что касается иранских сосудов ахеменидского времени, то их носики имеют также вертикальное положение, их верх в форме трилистника примыкает к самому венчику, но, будучи трубчатыми, они более продолговатые. Вероятнее всего, армавирские сосуды можно датировать эллинистическим или несколько более ранним временем¹⁸.

Фляги характеризуются вздутыми боками, короткой шейкой, чуть отогнутым наружу венчиком и петлевидными, обычно плоскими ручками, прикрепленными с двух сторон на продольной ребровидной части фляги (табл. I, 14; табл. III, 11). Линия стыка имеет, как правило, округлую форму, но встречаются экземпляры с угловатыми очертаниями.

Сосуды украшены росписью в виде концентрических кругов, расположенных на боковых частях сосуда. На одном экземпляре они перекрещиваются с радиально расположенными поясками. Часто во внутреннем круге имеются орнаменты в виде креста или перекрещивающихся линий. Фрагмент одной фляги покрыт сплошным слоем красной краски, без каких-либо узоров.

Сосуды в виде фляг, в том числе и украшенные концентрическими узорами, появились в странах, где доставка, перевозка и хранение питьевой воды были сопряжены с трудностями, однако сходные армавирским образцам фляги распространились главным образом в эллинистическое время¹⁹.

Высокие, толстостенные сосуды, вазообразные, напоминающие алабастры, имеют узкое плоское дно, равномерно расширяющиеся вверх стенки с плечиками, низкую шейку и слегка отогнутый наружу невысокий венчик (табл. I, 15; III, 12).

Поверхность сосуда, венчик, а также верхняя его часть внутри покрыты густым слоем красной краски, по которой белой и желтоватой красками нанесены узоры в виде горизонтальных параллельных линий и свисающих треугольников, завершающихся, в одном случае, завитками.

Эти массивные сосуды изготовлены из плохо отмученной глины, с примесью песка и камушек.

¹⁸ Г. А. Тиранян, Древнеармянская расписная керамика, «Вестник общественных наук», 1970, № 1, стр. 69—70 (на арм. яз.).

¹⁹ Г. А. Тиранян, О расписной керамике, стр. 277—278.

Изучение рассмотренных здесь сосудов показывает, что они имеют некоторое сходство с древневосточными формами²⁰. Отсутствие каких-нибудь точных аналогов, однако, позволяет искать в древневосточном материале лишь прототипы армавирских сосудов. Датировку же их возможно установить на основе статиграфических наблюдений. Как выясняется из сопровождающих материалов, слои залегания этих сосудов или их фрагментов относятся к послеурартскому—ахеменидскому или, вернее, эллинистическому времени²¹.

Среди ближневосточной керамики упомянутого времени довольно трудно подобрать нужные им аналоги. Укажем на близкие по форме вытянутые сосуды эллинистического времени из Каирского музея²², а также на целый ряд алебастровых сосудов из Урука, Ассура, Тель-Халафа²³ и особенно Вавилона²⁴, большинство которых датируется эллинистическим временем и выявляет определенное сходство с армавирскими сосудами.

Светильники представляют собой плоскодонные круглые чашечки со сливообразным носиком, почерневшим обычно от копоти (табл. I, 16; III, 13). Такие же светильники известны из античных слоев крепости Гарни.

Они отличаются от больших урартских светильников, имеющих внутри перегородку с отверстиями.

Хотя вышеописанные светильники следует, по-видимому, отнести к ахеменидскому или эллинистическому времени, известные нам аналоги, с более ярко профилированным сливом, ведут нас в Северную Месопотамию²⁵ и на остров Кипр, где они датируются IX—VIII вв. до н. э.²⁶

Амфориск, шейка, венчик и ручки отбиты (табл. I, 17; III, 14), легко восстанавливается на основе найденной в Гарни верхней части сходного сосуда. Поверхность сероватого цвета, черепок плотный, глина тщательно отмученная, обжиг равномерный.

Среди привозных в позднефрикийский «город Мидаса» предметов из Восточной Греции имеются два сходных амфориска, датируемых первой половиной IV в. до н. э. Параллели имеются и в кипрских материалах²⁷. Довольно часто встречаются амфориски и в погребениях эллинистического времени (III—II вв. до н. э.)²⁸.

Не исключено, что армавирский амфориск, отличающийся от большинства упомянутых несколько более широким дном, тоже привезен из западной Малой Азии.

Вазы в виде чашечки на высокой и широкой ножке представлены фрагментами. Поверхность серовато-темно-коричневого цвета или покрыта красноватой краской. Глина содержит в себе примеси.

Если это не урартские предметы, то они сравнимы со сходными каменными сосудами из Армении, датируемыми позднеахеменидским или эллинистическим временем.

²⁰ Г. А. Тирацян, Древнеармянская расписная керамика, стр. 64—65.

²¹ Г. А. Тирацян, О расписной керамике, стр. 276.

²² „Die griechisch — ägyptische Sammlung“, E. von Sieglin*, bearbeitet von R. Pagenstecher, Leipzig, 1913, Bd. II, Teil. III, Abb. 92 a, b.

²³ E. Strommenger, Gefäße aus Uruk von der neubabylonischen Zeit bis zu den Sasaniden, Berlin, 1967, Taf. 52, 7, стр. 40.

²⁴ W. von Bissing, Ägyptische und ägyptisierende Alabastergefäße aus den Deutschen Ausgrabungen zu Babylon. Zeitschrift für Assyriologie, 1941. N. F, 13 (47), H. 1/2, Abb. 13, 20, 28.

²⁵ B. Hroudа, Tell-Halaf, IV, Berlin, 1962, Taf. 46, 4.

²⁶ D. M. Bailey, A. Village priest's tomb at Aradippon in Cyprus. British Museum Quarterly, vol. XXXIV, 1—2, 1969, Pl. XVIII, стр. 54; См. также „The Swedish Cyprus Expedition“, Stockholm, 1937, vol. III, Pl. 38, 4, 5; Pl. 93, 445, 565.

²⁷ C. H. Emilie Haspels, указ. соч., Pl. 10 a, b.

²⁸ M. Bucovala, Necropole ellenistice la Tomis, Constanta, 1967; O. Reuth'er, Die Innenstadt von Babylon (Merkes), Leipzig, 1926. Tafelband, Taf. 93, 226 b (Seleukidisch—partisch); B. Hroudа, указ. соч., Taf. 77, 55 (Hellenistisch).

Глиняные же сосуды приблизительно такой же формы, известны из слоев упоминавшегося уже позднефригийского города Мидаса²⁹.

Среди армавирской керамики имеются фрагменты сосудов, имитирующих, по-видимому, металлическую посуду, с сильно профилированными тонкими стенками и широким венчиком, который выдается сильно наружу³⁰.

Кратериск представлен одним экземпляром; он имеет раздутое, сильно суживающееся книзу тулово, переходящее через узкий перехват к округлой низкой ножке (табл. III, 15). Верх сосуда образует еле заметные плечики, переходящие к низкому, отогнутому наружу венчику. Под венчиком на плечиках с двух сторон прикреплены вертикальные ручки в виде округлых душек, от верхней части которых отходят горизонтальные выступы.

Верхняя половина сосуда расписана светло-коричневой, красноватой и темно-коричневой росписью, нанесенной по светлому ангобу или красной краске. Узоры разные на двух сторонах сосудов: они расположены рядами и образуют волнообразные вертикальные, параллельные линии, цепи, эллипсы, простые или с завитками, остроконечные, продолговатые листья, чуть изогнутые фестоны.

Сосуд, естественно, напоминает античные кратеры, однако невозможно установить непосредственной связи между армавирским сосудом и античными кратерами, в том числе и с колоколовидными, обнаруживающими некоторое сходство с ним. Общие очертания, пропорции, низкий маловыразительный венчик и, наконец, необычные ручки, встречающиеся на канфарах и скифосах античного времени, не вызывают сомнения, что это форма, возникшая на большом расстоянии от подлинных центров греческого гончарного дела, влияние которого тем не менее ощущается. Не исключено, что это влияние передавалось посредством Фригии, ранние кратеры которой имеют ручки такой же формы; тулово кратеров разукрашено близкими в принципе художественными приемами³¹.

Параллелью вышеупомянутому явлению может служить кармир-блурский аск, входящий по общей своей форме к западным прототипам, опосредствованным Малой Азией, вернее, Фригией. О связях Армянского нагорья с последней говорит роспись кармир-блурского аска, родственная, как нам кажется, фригийской расписной керамике эпохи ее расцвета.

Основные данные о стратиграфии Армавирского холма получены на его западном склоне. Раскопанные же на восточном и южном склонах, а также западнее вершины холма остатки урартских зданий мало способствуют выявлению полной стратиграфической картины холма. Как показывают находки, в использованных в античный и, быть может, в средневековый период помещениях слои сильно перемешаны. Очистка средневекового тандыра, расположенного непосредственно на каменных основаниях урартской капитальной стены, служит лучшим доказательством вышесказанному. Вместе с тем можно говорить о сравнительно хорошо прослеживаемом здесь развитии в урартское время. На участке к западу от вершины холма явно вырисовываются два строительных периода урартского времени. Над каменными основаниями боковых ответвлений капитальных стен, расположенных на самом материке в перпендикулярном направлении, находится верхняя сырцовая стена, со следами пожара на некоторых ее участках. Общая обстановка—остатки обгоревших балок и камыша—напоминает кармир-блурские помещения, пострадавшие от пожара. Очень вероятно, что перед нами стена второго, позднего периода существования урартского Армавира (Аргиштихинили), датируемого VII в., скорее всего второй половиной и концом, как об этом свидетельствуют некоторые находки. Нижние капитальные стены, от которых остались каменные добротные основания, по-видимому, следует приурочить к первому, раннему периоду существования крепости, связанной, очевидно, с ее основанием в первой половине VIII в.

²⁹ С. Н. Emilie Haspels, указ. соч., Pl. 29, 15–24.

³⁰ Г. А. Тиранян, О расписной керамике, табл. II, 9.

³¹ E. Akurgal, *Phrygische Kunst*, Ankara, 1955.

Естественно, что основные стратиграфические наблюдения, имеющие первостепенное значение для рассмотренного здесь керамического материала, связываются с изучением западного склона, с участками, расположенными по соседству с западной оборонительной стеной.

В прошлые годы был сделан ряд наблюдений, сводящихся к выявлению трех слоев: урартского, средневекового и промежуточного³². Урартский слой характеризовался главным образом керамическими изделиями, обломками краснолощеной посуды, найденными на самых нижних горизонтах культурного слоя крепости, и карасами, вкопанными в пол помещения вне крепости, но примыкающего к оборонительной стене. Самые верхние слои, как правило, незначительной толщины, содержали обломки сосудов, покрытых поливой, фрагменты стеклянных браслетов, остатки тондыров и прочего материала, главным образом керамического, бесспорно средневекового периода. Находящиеся между этими сравнительно хорошо опознанными слоями культурные остатки (значительные именно на западном склоне), естественно, следовало отнести к отрезку времени между VI в. до н. э.—III в. н. э.

Дальнейшие работы, главным образом на рассматриваемом участке, внесли ряд дополнений и уточнений. Были выявлены остатки урартской стены, вернее, ее каменного основания значительной ширины, тождественного с основаниями урартских стен на остальных участках крепости. Основанный на материке каменный фундамент, ориентированный с востока на запад, примыкал к оборонительной стене.

Важными оказались обнаруженные остатки стен, расположенных на более высоком уровне и отличающихся своими размерами, а также строительной техникой от урартских.

Найденный на самом уровне, а также выше и ниже этих стен, вернее, их фундаментов, материал не оставляет сомнения в том, что перед нами в основном строительные остатки послеурартского и досредневекового периода. К ним же можно отнести яму (квадрат 5F), возможно участок утрамбованного пола (4Д), а также остатки пола, выложенного из галечных камней, под которыми и над которыми были найдены в большом количестве обломки расписной керамики (6Д). База урартского типа, стоящая над слоем земли, может свидетельствовать об ее вторичном использовании (4Д). Вышеотмеченные факты способствуют более четкой характеристике промежуточного слоя, однако они не дают данных о точной датировке этого слоя в целом и тем более о его хронологическом членении.

Правда, отдельные находки фрагментов стеклянной, а также глиняной посуды в верхних горизонтах позволяют судить о наличии на Армавирском холме слоя первых веков н. э. Но дальнейшее размежевание остального материала, хотя бы VI—IV вв. и III—I вв. до н. э., представляется довольно трудным. Не исключена, конечно, возможность, что найденные на самой глубине древнеармянского слоя предметы (чаши-фиалы серовато-охристого цвета, фляга со сплошным слоем краски без каких-либо узоров, фрагменты с росписью в виде поясков тусклого цвета) могут быть отнесены к начальным этапам развития послеурартской культуры, к V в., хотя нельзя быть уверенным, что такие фрагменты не будут найдены в вышележащих слоях. Вообще наблюдаемые на данном этапе между отдельными слоями, в том числе и между верхними и нижними, однородность и однотипность материала—обстоятельство, заслуживающее внимания. В этом смысле некоторое значение приобретают сопоставления добытых из отдельных квадратов материалов с разрезами, полученными на срезах этих же квадратов. Разрез на восточной стене квадрата (6F) показывает смену разных слоев земли, разделенных слоем угля толщиной 10—15 см. Материал, найденный выше и ниже этого слоя, не отличается существенными признаками.

Не удивительно поэтому, что фрагменты однотипных сосудов могут встречаться на разных горизонтах. Более того, в квадрате 6Д был зафиксирован случай нахождения фрагментов одного и того же сосуда на разной глубине (0,90 и 2,10 м).

³² Г. А. Тиранян, О расписной керамике, стр. 265—267.

Не отказываясь отнюдь от мысли продолжить попытку стратиграфического членения послеурартского-досредневекового материала, считаем нужным остановиться на вопросе о датировке древнеармянских слоев в целом.

Этому, как нам кажется, могут способствовать находки металлических изделий, как раз в интересующих нас слоях. Речь идет о железных наконечниках стрел с черенком и наконечнике копья.

Найденные наконечники стрел относятся к трем основным типам. Наконечники трехлопастные с опущенными заостренными концами или же со срезанными концами (табл. IV, 1, 2), листовидные наконечники со срединным ребром, представленные также разновидностью с угловатыми сторонами (табл. IV, 4, 5, 6; V, 7, 9) и четырехгранные наконечники (табл. IV, 3; V, 8, 10).

Уже при первом ознакомлении с упомянутыми типами видно, что они в основном связаны с послеурартским временем, о чем могут свидетельствовать аналогичные наконечники из памятников Армении эллинистического времени.

Рассмотренные наконечники стрел встречаются на обширной территории, включающей в себя в основном Малую Азию и Ближний Восток; хронологические границы их бытования определены.

Появление железных трехлопастных наконечников стрел с черенком относится к позднеассирийскому времени, доживают они до первых веков н. э. Время их наибольшего распространения, однако, принято считать II в. до н. э.³³

Найденные в Персеполе образцы датируются V—IV вв.³⁴, в Арсамее—100 г. до н. э.—100 г. н. э.³⁵, в Дура—Европосе (несколько иной формы)—I в. до н. э.—I в. н. э., на Северном Кавказе—II в. до н. э.—первыми веками н. э., на Кармир-блуре (город) последней четвертью I тыс. до н. э.³⁶

Таким образом, невзирая на существование ранних примеров, есть все основания датировать армавирские трехлопастные наконечники первыми двумя веками до н. э.

Листовидные железные наконечники также появляются довольно рано. В Передней Азии они засвидетельствованы начиная с VIII—VII вв. до н. э. вплоть до римского времени³⁷. Близкие по форме образцы имеются в Персеполе³⁸, V—IV вв., в Богазкее³⁹, со втулкой, V—III вв. до н. э., а также в Арсамее, где они связываются с эллинистическим поселением (II в. до н. э.—I в. н. э.)⁴⁰. Несмотря на широкий хронологический отрезок их бытования, в Армении, возможно, они генетически восходят к урартским формам. Найденные в Армавире железные листовидные наконечники с черенком следует датировать V—I вв. до н. э., а может быть, даже III—II вв. до н. э.

Четырехгранные наконечники стрел встречаются в Анатолии как в памятниках эпохи железа, так и в памятниках римско-византийского времени⁴¹.

В «городе Мидаса», позднефригийском городище, такие стрелы датируются V—III вв. до н. э.⁴², в Богазкее—VI—III вв. до н. э.⁴³, в Арсамее—концом II в. до н. э.—началом I в. н. э.⁴⁴

³³ K. Doerner, Th. Goell, Arsamela am Nymphalos, Berlin, 1964, стр. 276.

³⁴ E. Schmidt, указ. соч., Pl. 76, 15, 16 (бронзовый).

³⁵ K. Doerner, Th. Goell, указ. соч., стр. 276, Taf. 72, 5—8, Taf. 73, 5—8.

³⁶ См. А. А. Вайман, Эллинистический могильник Кармир-блуре (рукопись), стр. 10—11, табл. IV. Известны и более поздние образцы, см. А. А. Калантарян, Материальная культура Двина IV—VIII вв., Ереван, 1970, табл. XIX.

³⁷ K. Doerner, Th. Goell, указ. соч., стр. 277.

³⁸ E. Schmidt, указ. соч., Pl. 76, 4, 5.

³⁹ K. Bittel, H. G. Güterbock, указ. соч., Taf. 11, 26.

⁴⁰ K. Doerner, Th. Goell, указ. соч., стр. 277, Taf. 74, 13, Taf. 75, 13.

⁴¹ См. там же, стр. 275—276.

⁴² C. H. Emilie Haspels, указ. соч., Pl. 42 c, 3—6.

⁴³ K. Bittel, H. G. Güterbock, указ. соч., Taf. 11, 28—29.

⁴⁴ K. Doerner, Th. Goell, указ. соч., стр. 275—276, Taf. 72, 1—4, Taf. 73, 1—4.

Находки четырехгранных стрел в Малой Азии указывают на VI—I вв. до н. э. как на время их наибольшего распространения. Вместе с тем очень важным представляются находки таких стрел в Армении. Найденные в Гарни экземпляры, к сожалению, не датируются⁴⁵. Очень важной представляется находка в Гехадире⁴⁶. Здесь, в каменном саркофаге, был обнаружен инвентарь послеахеменидского времени, монета Александра Македонского и четырехгранный наконечник. Датировка этого наконечника имеет немаловажное значение для хронологического определения сходных армавирских стрел.

Железный наконечник копья имеет сравнительно маленькие размеры. Лезвие со срединным ребром широкое, выдается у основания и постепенно суживается к концу (табл. V. 11). Втулка полая, ее стенки состоят из двух слоев—верхний железный, нижний бронзовый. С двух сторон втулка имеет короткие перпендикулярные выступы-шпы.

Сходные наконечники копий имеются в Джрарате, Бешташени, Персеполе и в ряде других памятниках ахеменидского времени⁴⁷. Очень вероятно, что подобные или слегка видоизмененные наконечники продолжают существовать и в эллинистическое время.

Анализ данных глубинных фиксаций описанных наконечников как будто подтверждает их хронологическое соотношение, установленное при помощи сравнительного материала. Особенно показательной кажется картина, выявленная в квадратах 6Д и 6Е. В самых глубоких слоях почти на уровне остатков основания урартской стены были найдены наконечник стрелы четырехгранной формы раннего типа (глубина 2,20 м) и наконечник копья (2,10 м). Из верхних же слоев происходит трехлопастный наконечник (1,10 м), определенный более поздним временем. На глубине 1,80 м были найдены наконечники листовидный и трехлопастный.

Точная датировка древнеармянских слоев Армавира еще не полностью обоснована. Находки монет или других хорошо датирующихся предметов значительно облегчат эту задачу. На сегодняшний день приходится довольствоваться сведениями, полученными из анализа самой керамики, опираясь при этом на данные изучения наконечников стрел. Они допускают датировку древнеармянского слоя и керамики в пределах V—I вв. до н. э., хотя однородность материала не исключает возможности сужения хронологических рамок слоя, вследствие чего нижние его горизонты предположительно относятся к IV—III вв. а верхние—к III—II вв. до н. э.

Изучение древнеармянской керамики из Армавира, ее классификация и датировка открывают широкие возможности перед исследователями для правильной интерпретации керамического материала целого ряда археологических памятников Армении античного времени.

Как известно, раскопки последних лет в крепости Гарни выявили древний слон, предшествовавший культуре первых веков н. э. Он представлен на прихрамовой площади, где его уровень залегания находится на несколько метров ниже горизонтов первых веков н. э., хорошо документированных остатками зданий в ю.-з. части крепости. Сопоставление керамического материала из указанного слоя крепости Гарни с древнеармянской керамикой из Армавира выявляет неоспоримые связи. Такие характерные формы, как фляги, сосуды со сливообразным носиком, полуяйцевидные кубки, чаши-фиалы с перехватом, а также ряд мотивов росписи являются общими для обеих групп керамики.

Немаловажно значение армавирской керамики для изучения античного слоя в Двинне, существование которого подтверждается все больше и больше (например, погребения первых веков до н. э. и начала н. э., экземпляр каменной черепицы типа гарний-

⁴⁵ См. Б. Н. Аракелян, Гарни II, рис. 13.

⁴⁶ Ж. Д. Хачатрян, указ. соч., рис. 5.

⁴⁷ А. О. Мпацикян, Г. А. Тирацян, Новые данные... стр. 69—71.

ской, каменные печати, прекрасные и самобытные образцы расписной керамики и т. д.).

Очень важными представляются раскопки древнего Армавира для осмысления обнаруженных в археологических объектах Западной Армении послеурартских слоев, не до конца понятых и не всегда правильно интерпретируемых (Патноц, Алтын-тепе, Эрзерум).

Результаты археологического изучения Армавирского холма, особенно его античных слоев, могут служить отправной точкой при выяснении многих интересных вопросов материального производства и культуры древнего Арташата, раскопки которого начались недавно.

После окончания первого сезона работ на Хор-вирабских холмах и сопоставления добытого здесь материала, в первую очередь керамики, со сходными материалами, рассмотренными в данной статье, можно говорить о наличии в Арташате остатков позднеахеменидского и раннеэллинистического времени, предшествовавших основанию в 80-х годах II в. до н. э. города Арташесом I.